

СТРАННАЯ
САЛЛИ
ДАЙМОНД
ЛИЗ
НЬЮДЖЕНТ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44
Н92

Liz Nugent
STRANGE SALLY DIAMOND

Copyright © Liz Nugent, 2023
This edition is published by arrangement with Marianne Gunn
O'Connor Literary, Film & TV Agency and The Van Lear Agency

Художественное оформление *К. Гусарева*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Ю. Девятовой*

Фото автора на форзаце © Liz Nugent

Ньюджент, Лиз.

Н92 Странная Салли Даймонд / Лиз Ньюджент ; [перевод
с английского Т. А. Масленниковой]. — Москва : Эксмо,
2024. — 416 с. — (Ток. Главный детектив года).

ISBN 978-5-04-191977-1

Бедная Салли Даймонд не может понять, почему то, что она сделала, кажется всем соседям и полиции таким странным. Она всего лишь выполнила просьбу своего отца – сожгла его мертвое тело в сарае вместе с мусором. Что не так? И почему полицейские недовольны тем, что потом Салли тщательно вымыла весь дом и выстирала одежду? Мама бы точно ею гордилась.

После этой истории Салли оказывается в центре внимания голых до сенсации СМИ и детективов. Внезапно она получает странный подарок – грязного игрушечного мишку с оторванным глазом и записку от некоего «С», которому явно известно что-то ужасное о ее прошлом. Но кто он? А еще Салли преследуют кошмары с изможденной женщиной в темной комнате, хотя до этого она никогда не видела снов.

Притворяясь полжизни глухой, просто чтобы ни с кем не разговаривать, Салли приходится познавать этот мир с нуля. Ей предстоит выяснить, кто этот таинственный преследователь, чье присутствие с каждым днем ощущается все острее...

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Масленникова Т.А., перевод на русский
язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191977-1

*Для Ричарда,
с еще большей любовью*

Уйдем от пыльных городов,
Уйдем с тобою в мир цветов,
Туда, где — мощные леса,
Где ярко искрится роса,
Где новый мир, особый мир
Поет звучнее...

— *Перси Биши Шелли*¹

¹ Перевод К. Бальмонта

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Вынеси меня вместе с мусором, — сказал он как бы между делом. — Когда я умру, вынеси меня вместе с мусором. Я уже буду мертвый, так что разницы не почувствую. А ты себе все глаза выплачешь. — Он засмеялся, и я засмеялась вместе с ним, потому что мы оба знали, что никаких глаз я себе не выплачу. Я никогда не плачу.

Когда пришло его время — в среду, 29 ноября 2017 года, я выполнила его инструкции. К тому моменту он стал совсем худым и хрупким, перевалив за восемьдесят два года, так что было несложно запихнуть его в огромный мусорный мешок.

Всего месяц назад он еще крепко стоял на ногах.

— Никаких врачей, — говорил отец. — Знаю я их. — А он и правда знал, потому что сам был доктором. Психиатрии. И даже имел право прописывать рецепты и отсылал меня в Роскоммон¹, чтобы по ним закупаться.

¹ Роскоммон — крупнейший город в графстве Роскоммон в Ирландии.

Я его не убивала; ничего такого не было. Я принесла ему чай утром, а он уже лежал холодный в постели. С закрытыми глазами, слава богу. Ненавижу, когда в телесериалах трупы смотрят прямо в глаза детективам. Может быть, глаза остаются открытыми, только если тебя убивают?

— Пап? — позвала я, хотя знала, что его уже нет.

Я села на край кровати, сняла крышку с его стакана и отхлебнула чая без сахара, хотя в свой всегда добавляю. Я сразу проверила пульс, но по его восковой коже все было понятно. Хотя «восковая» — не совсем то слово. Скорее, было похоже... что его кожа больше ему не принадлежит, или что он больше не принадлежит ей.

Тащить мусорный мешок через весь двор было тяжело. Земля промерзла и покрылась льдом, так что каждые несколько минут мне приходилось взваливать мешок себе на плечи, чтобы он не порвался. Один раз в месяц, если он нормально себя чувствовал, отец относил мешки в мусоросжигательную печь. Он отказывался платить за уборку мусора, и мы жили на таком отшибе, что городской совет ни к чему нас не принуждал.

Я знала, что трупы разлагаются, гниют и начинают пахнуть, так что аккуратно уложила мешок в печную камеру. Плеснула сверху бензина и подожгла. Я не осталась, чтобы посмотреть, как он горит. Это был больше не отец, это было тело, «оно», сгорающее в домашней печи в сарае на заднем дворе дома в конце переулка, рядом с небольшой дорогой.

Когда отцу доводилось объяснять кому-то по телефону, где мы живем, он говорил:

— Почти у черта на куличках. Если вы доедете к черту на кулички, вам нужно повернуть налево, потом

направо и снова налево, пока не доедете до развязки, и там вам нужен второй съезд.

Он не любил гостей. Не считая его доктора, Анджелы, с момента смерти мамы посетители появлялись у нас раз в пару лет. Несколько человек приезжали, чтобы починить машину и привезти компьютер, а потом через несколько лет приехал еще один парень, установил отцу интернет и привез компьютер поновее. В последний раз приходили настраивать новые каналы. Я на это время решила остаться в своей комнате.

Отец никогда не предлагал научить меня пользоваться компьютером, но объяснил, что на нем можно делать. Я смотрела достаточно телевизора и понимала, что могут компьютеры. Они могут бомбить страны. Они могут шпионить за людьми. Они могут проводить операции на мозге. Могут сводить старых друзей или врагов и раскрывать преступления. Но я не хотела ничем таким заниматься. Мне нравилось телевидение — документальные фильмы, передачи про природу и историю, а еще мне нравились фильмы: фантастические, про будущее, или про викторианскую Англию с большими домами и красивыми платьями, и даже современные. Мне нравилось смотреть про людей и их увлекательную жизнь, про их страстные романы, несчастные семьи и мрачные тайны. Мне кажется, это довольно иронично, потому что в реальной жизни мне люди не нравятся. *Большинство* людей.

Я всегда предпочитала сидеть дома. Отец понимал это. В школе было кошмарно. Я ходила на все занятия, стараясь избегать других девочек, а потом сразу возвращалась домой. Все называли меня аутисткой, но мой отец-психиатр утверждал, что совершенно точно нет. Я не состояла ни в каких клубах и обществах, хотя мама меня угова-

ривала. На выпускных экзаменах я получила две пятерки, две четверки и две тройки по профильным предметам и минимальный проходной балл по математике и ирландскому. Это было двадцать пять лет назад, и после этого мы снова переехали — в домик в самом конце маленькой улочки, в миле от деревни Каррикшиди.

Еженедельные поездки за покупками всегда были настоящим мучением. Иногда я притворялась глухой или сознательно избегала беседы, но слышала, как школьники шепчутся: «Вон она идет, странная Салли Даймонд, чудила». Отец говорил, что они ничего против меня не имеют. Просто дети злые. Большинство. Я была рада, что больше не ребенок. Что теперь я взрослая сорокадвухлетняя женщина.

Еще я забирала отцовскую пенсию и свое медицинское пособие с почты. Несколько лет назад на почте предложили направлять пенсию и пособие прямым на наши банковские счета, но отец сказал, что нам нужно хотя бы пытаться поддерживать отношения с деревенскими, поэтому мы проигнорировали их совет. Ближайший банк — только в Роскоммоне, в двенадцати милях от дома. Банкомата в Каррикшиди нет, хотя в большинстве магазинов и заведений можно расплачиваться картой без налога.

Еще я забирала отцовскую почту сама потому, что отец не хотел, чтобы почтальоны совали нос в наши дела. Миссис Салливан, сотрудница почты, всегда кричала мне: «Как твой папа, Салли?» Наверное, она думала, что я читаю по губам. Я кивала и улыбалась, а она сочувственно наклоняла голову набок, как будто произошла какая-то трагедия. Потом я ехала на заправку.

Закупалась всем необходимым на неделю и снова возвращалась домой: нервы успокаивались сразу, как только я сворачивала на нашу улочку. Путь туда и обратно никогда не занимал больше часа.

Когда отец хорошо себя чувствовал, он помогал собирать сумки. Мы ели три раза в день и готовили друг другу. Получалось, что я готовила два блюда, а он — одно, но обязанности между нами распределялись поровну. Все поменялось, когда начал сказываться его возраст. Я пылесосила, а он разгружал посудомойку. Я гладила и выкидывала мусор, а он чистил ванну.

А потом отец перестал выходить из комнаты, прописывал рецепты все более трясущейся рукой и почти отказался от еды. Ближе к концу он соглашался только на мороженое. Я кормила его, когда у него совсем уж сильно тряслись руки, и перестилала белье в те дни, когда отцу не удавалось проконтролировать себя и воспользоваться горшком под кроватью, который я выливала каждое утро и мыла с хлоркой. Рядом с кроватью у него стоял колокольчик, но я не слышала его звона с кухни, а в последние дни отец был слишком слаб, чтобы поднять его.

— Ты хорошая девочка, — тихо говорил он.

— Ты самый лучший папа, — отвечала я, хотя это была не совсем правда. Но он улыбался, когда я это говорила. Мама научила меня так говорить. Лучшим папой был папа из «Маленького домика в прериях»¹. А еще он был симпатичный.

¹ «Маленький домик в прериях» — американский телесериал о семье, живущей на ферме в Миннесоте в конце XIX века. В главных ролях снялись Майкл Лэндон, Мелисса Гилберт и Карен Грассл.

Мама просила меня играть в одну игру у себя в голове. Представлять, что думают другие люди. Это было странно. Не проще ли спросить у них, что они думают? И вообще, мое ли это дело? Мне известно, что думаю я. И я могу использовать свое воображение, чтобы представлять, как занимаюсь всякими разными вещами, как люди из телевизора: раскрываю преступления или завожу страстные романы. Но иногда я задумываюсь о том, что видят деревенские, когда смотрят на меня. Если верить журналу, который я как-то читала в приемной Анджелы, у меня три килограмма лишнего веса для моего роста в 5 футов и 8 дюймов¹. Анджела рассмеялась, когда я показала ей журнал, но подсказала есть больше овощей и фруктов и меньше углеводов. У меня длинные каштановые волосы, но я убираю их в свободный пучок, чуть ниже затылка. Мою их раз в неделю, когда принимаю ванну. В остальные дни я просто надеваю шапочку для душа и быстро споласкиваюсь.

Я ношу юбки. Их всего четыре — две на зиму и две на лето. У меня есть семь блузок, три свитера и кардиган, а еще у меня хранится довольно много маминой одежды, платьев и пиджаков: они все хорошего качества, хоть и старые. Мама любила ходить по магазинам со своей сестрой, тетей Кристин. Они ездили в Дублин два или три раза в год «на распродажи». Отец этого не одобрял, но она говорила, что будет тратить свои деньги, как ей хочется.

Лифчики я не ношу. Они неудобные, и я не понимаю, почему многие женщины настаивают на них. Раньше, когда одежда изнашивалась, отец покупал мне

¹ 5 футов и 8 дюймов — примерно равны 1 м 72 см.

другую на сайтах объявлений. Но только не ниже беле, оно всегда было новое. «Ты не любишь ходить по магазинам, так что нет смысла выкидывать деньги на ветер», — говорил он.

У меня чистая, гладкая кожа. Немного морщин на лбу и вокруг глаз. Косметикой я не пользуюсь. Отец мне ее как-то купил и предложил попробовать. Мой старый друг телевизор и реклама в принципе подсказали, что делать, но с подведенными глазами и розовыми губами я стала не похожа на себя. Отец согласился. Он думал купить какую-нибудь другую, но не почувствовал во мне достаточно энтузиазма, и мы закрыли эту тему.

Думаю, деревенские видят сорокадвухлетнюю «глухую» женщину, которая иногда приходит в деревню и время от времени катается на стареньком «Фиате». Наверное, они считают, что я не могу работать из-за глухоты и поэтому получаю пособие. Но я получаю пособие, потому что, по словам отца, страдаю от социальной депривации¹.

ГЛАВА 2

■ —————

Томас Даймонд не был моим настоящим отцом. Мне было девять, когда он впервые сказал об этом. Я даже не знала своего настоящего имени, но он и моя мама, которая тоже не была настоящей мамой, сказали, что нашли меня в лесу младенцем.

¹ Социальная депривация — психическое состояние, вызванное какими-либо нарушениями контакта человека с обществом.

Сначала я расстроилась. В тех историях, которые я читала в детстве, найденные в лесу младенцы обычно оказывались подменными, которые приносили несчастья приютившим их семьям. У меня *есть* воображение, что бы ни говорил отец. Но мама посадила меня на колени и сказала, что это просто выдуманные сказки. Я ненавидела сидеть у мамы на коленях, да и у папы тоже, так что вырвалась и потребовала печенье. Мне дали два. Я верила в Санта-Клауса ровно до двенадцати лет, пока отец не усадил меня перед собой и не рассказал горькую правду.

— Но зачем людям такое придумывать? — спросила я.

— Потому что детям весело в такое верить, но ты уже не маленькая девочка.

Это была правда. У меня начала идти кровь. Боль от месячных заменила Зубную фею и Пасхального кролика, и мама с отцом стали объяснять мне другие вещи.

— Если Санта-Клауса нет, то бог есть? Или дьявол?

Мама взглянула на отца, и тот ответил:

— Никто не знает.

Мне этот концепт показался нелогичным. Если они знали наверняка, что Санта-Клауса не существует, то почему они не уверены насчет бога?

Детство сменилось более скучными и менее яркими подростковыми годами. Мама сказала, что мальчики могут проявлять ко мне интерес, могут попытаться поцеловать меня. Ничего такого не было, только однажды в четырнадцать лет какой-то старикашка пытался прижаться ртом к моим губам и засунул мне руку под юбку на автобусной остановке. Я ударила его по лицу, опрокинула на землю и пнула в голову. Потом подь-

ехал в автобус, я села в него и очень разозлилась, когда водитель задержался, чтобы помочь старикашке встать. Я смотрела, как он поднимается на ноги и у него из головы течет кровь. Водитель спросил меня, что случилось, но я сделала вид, будто не услышала. Я приехала домой на двадцать минут позже и опоздала на детскую передачу.

Когда мне было пятнадцать, я услышала, как девочка из моего класса рассказывает остальным, что меня, одичавшую, нашли в горах и после этого удочерили Даймонды. Она рассказывала об этом в туалете. Я сидела на бачке, поставив ноги на стульчак, и ела свой ланч.

— Но об этом нельзя никому говорить, — заявила она. — Мама узнала об этом от подруги, которая работала с доктором Даймондом, когда это случилось. Вот поэтому она такая странная.

Но другие девочки не стали держать ничего в секрете. Несколько недель подряд они пытались заговорить со мной, спрашивали, люблю ли я лазить по горам и ела ли траву. Стелла Кофлан просила девочек оставить меня в покое и говорила, что это не их дело. Но я не обращала внимания ни на кого из них. Маму и отца я тоже об этом не спрашивала. Я уже знала, что приемная, а еще знала, что младенец не может выжить в горах и девчонки все это выдумывают просто со злобы.

Мама умерла в год, когда я окончила школу. Мы много ссорились. Она хотела, чтобы я пошла в университет. Она подавала за меня документы против моей воли. Она считала, что мне нужно заниматься музыкой или наукой. Я люблю музыку, и игра на пианино — это, наверное, мое самое любимое заня-

тие. Мне было девять, когда мама наняла учителя по фортепиано, чтобы она давала мне уроки на дому. Мне нравилась миссис Муни. Она говорила, что я — одаренная пианистка. Она умерла, когда я была подростком, и я не захотела заниматься с другим преподавателем, так что стала совершенствоваться сама. Я не хотела сдавать никакие экзамены. Мне просто нравилось играть.

Мама говорила, что для меня открыто множество дверей. Но я не хотела общаться с незнакомцами и не хотела покинуть наш новый дом. Отец сказал, что я могу получить степень в Открытом университете¹, но мама заявила, что мне нужно «социализироваться», потому что, если меня не заставить, я никогда не уеду из дома и не найду себе работу. Я заявила, что не хочу уезжать из дома, и она очень разозлилась.

Через неделю после этой ссоры, во время посещения больных в деревне, у нее случился удар, и она умерла в больнице. Похороны провели в Дублине, потому что там жила ее семья и большинство старых друзей. Она всю жизнь регулярно их навещала. В те несколько раз, когда к нам приезжала ее сестра, Кристин, я бегала за ней, как собачонка. Она выглядела как более гламурная версия мамы. Отец во время ее визитов не выходил из кабинета. Мама говорила, что из-за отца Кристин чувствует, что ей здесь не рады. После смерти мамы она перестала приезжать, но на день рождения всегда присылала мне открытки с деньгами.

¹ Открытый университет — британский университет открытого и дистанционного обучения. Основан указом королевы Великобритании Елизаветы II в 1969 году.

Отец, который тогда не переставая плакал, спросил меня, поеду ли я к маме на похороны, но я отказалась. Мне нужно было разобрать ее вещи и понять, что подойдет мне, а что можно отдать на благотворительность. Я попросила отца привезти мне из Дублина книгу рецептов, потому что в основном готовила мама и, хотя у меня великолепно получалось помогать ей чистить овощи, моих навыков явно не хватало на создание целого блюда. Но я знала, что из книг могу этому научиться.

Когда через два дня отец вернулся из Дублина, он спросил, грущу ли я и скучаю ли по маме. Я успокоила его и сказала, что нет и обо мне не надо беспокоиться. Он посмотрел на меня с тем странным выражением, которое иногда у него появлялось, и сказал, что мне, наверное, повезло, что я такая, и моя жизнь, возможно, не принесет мне страданий.

Я понимаю, что размышляю не как все остальные люди, но если я могу держаться в стороне от них, то какая разница? Отец говорил, что я уникальна. Я не против. Меня как только не называли, но меня зовут Салли. Во всяком случае, это имя мне дали отец и мать.

ГЛАВА 3

Несколько дней после смерти отца в доме стояла полная тишина. Может, я все-таки по нему скучала? Мне не с кем было поговорить, не для кого заварить чай, некого покормить мороженым с ложечки. Некого мыть и переодевать. Зачем я вообще нужна? Я слонялась по дому, а на третий день зашла в его кабинет

и стала бездумно открывать ящики. Нашла пачку наличных и мамины драгоценности в металлической коробке. Кучу тетрадей, в которых были задокументированы изменения моего роста и веса за несколько десятков лет. Адресованный мне толстый конверт на столе. Горы папок с моим именем под разными грифами: общение, эмоциональное развитие, сочувствие, понимание, здоровье, медикаменты, дефекты и т.д. За всю жизнь не прочитаешь. Я взглянула на родительское свадебное фото на камине и вспомнила, как мама сказала, что они никогда не чувствовали себя полноценной семьей, пока не нашли меня. На тот момент меня уже давно не расстраивало, что я — найденыш. Мама рассказала, что они удочерили меня по вполне стандартной схеме. Она спросила, не любопытно ли мне узнать о своих биологических родителях, а когда я сказала нет, прямо-таки просияла. Было приятно, когда мне удавалось заставить родителей улыбнуться.

Я посмотрела на старые фотографии отца тех времен, когда он еще работал. Вот он представляет свою монографию на конференции в Цюрихе. Вот он в окружении других серьезных мужчин в костюмах. Отец в основном читал и писал научные работы, но иногда, когда мама обращалась к нему в экстренных случаях, он мог съездить к больному в Каррикшиди или куда подальше.

Отец изучал человеческий мозг. Он говорил, что мозг у меня работает идеально, но эмоционально я выключена. Он как-то обронил, что я — дело всей его жизни. Я спросила, может ли он включить мои эмоции, но он ответил, что в его и маминых силах только одно — любить меня и надеяться, что однажды я научусь любить их в ответ. Они не были мне безразличны. Я не хотела,